

Сергей Сорока

г. Барнаул

И нету преград

Ода

Что будет, мой друг, я не знаю!
И знать, извини, не хочу.
Я в небе ночами летаю
и сам над собой хохочу.

Под крыльями степь и речушка.
По речке плывёт старшина,
в руках у него не игрушка,
бутылка хмельного вина.

Вираж заложил я предельный –
дрожит самолёт над рекой.
Всё было в святой понедельник,
понятно, с похмельной тоской

я справился. В дождь угнездился,
оставил синеющий след.
Своим самолётом гордился,
а он был надёжным в ответ.

Налёт за одиннадцать тысяч
часов – напряжения сил.
Меня до небес он возвысив,
из баков горячее слил.

И встал на прикол без колодок.
По небу грустит самолёт
и метео ждёт лётных сводок,
когда же поднимет пилот

его отдохнувшего в поле
вблизи от ангарной возни.
Мой друг, отыграли мы роли,
не стало в нас той крутизны,

когда до зари мы взлетали,
над Обью был наш разворот.
Нас ветры с трудом обтекали,
пока мы вели разговор

с осиновым лесом весною
под бурный поток красоты,
что вьётся печалью степною
вокруг неземной красоты,

где звёзды с тарелку объёмом
летят в Мирозданье, а мы
всё ищем за тем окоёмом
следы от межзвёздной зимы.

Летит в одиночестве спутник
по склону небесной красы,
и видится радостный кустик –
в тумане озяб без росы.

Закончить бы надо мне оду.
Пора перестать утомлять
своим разговором природу –
ей тоже ведь надо поспать.

И пусть успокоится к утру
шуршанье ветвей и листов.
Я окна от инея вытру.
Увидеть начало стихов

поможет лучистое небо
в тиши затухающих звёзд.
Спрошу разрешение у Феба
на долю в безвестности грёз.

И пусть раскошелится Муза
на рифму с размером и лад.
В стихах не должно быть ни юза,
скольженья – всё это – балласт

я брошу в отвесную пропасть,
упав на колени, замкнусь.
И пусть обезумевший компас
покажет Европе на Русь

дорогу в тумане объятий.
Мы рады безмерно гостям.
Живя в беспределе понятий,
идём по забытым стихам.

Они воскрешают Поэтов, –
Беседуем тихо в ночи
без званий, иных эполетов.
Нам лунные светят лучи.

Да нет, не лунатики, просто
нам нравится лунная ночь –
не вышла что бедная ростом,
уходит к заутрене прочь.

Опять увлекаюсь, а надо
подумать, чем прежде писать.
Не жду от народа награды,
сочувствия мне не сыскать.

Изгоем останусь навечно.
Не любит Россия меня.
А я полюбивший сердечно –
без думы о ней я ни дня

прожить не могу. Бесплезно
взывать в безуспешности строк,
как будто сегодня я трезвый –
пишу бесплезности впрок.

Истратил подарки от Музы,
исчёрпал от Феба наград.
Стихи поползли как медузы –
им нету в пространстве преград.

И полный комплект

А зимний тупик – белоснежье
и ветренный натиск ночной.
Метельного чувства скольжение...
...и всё-таки пахнет весной.

И зимник слегка потемневший
с прозрачной поверхностью льда,
сугроб под горою осевший
и рокот моторов Ан-2,

готовых подняться над полем,
на бреющем чтобы пройтись...
Пилота красивая доля –
воздушная честная жизнь.

Но бьются сердца в напряженье
и светятся лица весной.
И полный комплект снаряженья
в подсумках у нас за спиной.

А. Пушкин будет жить

Сегодня Пушкин умирает –
сто восемьдесят лет назад.
Труба метельная играет
марш похоронный, ветер-бард
забыл все радостные песни,
разносит по России вести.
«Не стало Гения стиха!» –
я слышу в крике петуха,
с зарёй становится печально
читать весёлые стихи.
Сколь жизни наши коротки...
Умрём – мы знаем изначально...
А. Пушкин будет жить всегда,
пока горит его звезда!

Редакторский юмор

Встречаются две писательницы.
– А я тут на днях твою новую книжку
купила...
– А, так это была ты?

В «мерседес» врезается «запорожец». Здоровенный бугай выволакивает из рухляди какого-то хилого очкарика.
– Ты чё ваще?! Ты на кого наехал?! Ты ваще кто такой, а?!
– Я п-писатель... П-п-прозаик.
– Какой ещё такой «писатель»?! Про каких ещё таких «заек»?!